

АЛЕКСАНДР ФЕДОТОВ

Записки матроса
с «Адмирала Фокина»

Александр Федотов

**Записки матроса с «Адмирала
Фокина» (сборник)**

«Автор»

2008

Федотов А.

Записки матроса с «Адмирала Фокина» (сборник) / А. Федотов —
«Автор», 2008

Предлагаемая читателю книга Александра Федотова, что называется, книга от первого лица. В ней автор повествует о своей срочной службе на Тихоокеанском флоте, ярко и убедительно рассказывает о диких нравах и порядках, царящих на боевых кораблях. Описываются и смешные, и трагические события, некоторые страницы поражают пусть и грубым, но подлинным «матросским» юмором. Мало сказать, что «Записки...» документальны от первой и до последней страницы, это еще и добротная документальная проза, подкрепленная армейскими фотографиями из личного архива автора. Книга прочитывается на одном дыхании, а указание на то, что «Записки...» не кончились, дает надежду, что за первой книгой автора, обладающего несомненным писательским талантом, последуют новые.

© Федотов А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Всё, о чём рассказываю...	5
Приписка	8
Питерский призыв	10
ПТК	14
Корабль	17
Потомки легендарных комиссаров	19
Большой Зам	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Федотов

Записки матроса с «Адмирала Фокина»

Всё, о чём рассказываю...

Матросы – отродье хамское, но дело своё разумеют. А посему! Жалование платить, в кабаки пускать, девкам любить. Посobie из сукна выдавать. Будучи за границей, на берег не спущать. Ибо он умного слова не скажет и драку учинит.

(Петр I)

Все события, о которых я рассказываю в этой книге, происходили в реальной жизни. Я сам был участником или свидетелем описываемых событий во время своей службы матросом на ракетном крейсере Тихоокеанского Флота, или я по свежей памяти записал рассказы очевидцев, чьим словам я полностью доверяю. Мне ничего особо и не надо было выдумывать: жизнь ярче и выразительнее любой выдумки.

В эту книгу я включил дополненные и расширенные истории, вошедшие в мой первый сборник морских, вернее флотских рассказов («Записки матроса с «Адмирала Фокина», Москва, «Ленор», 2008 г.), и добавил к ним много новых... В том числе те истории, которые рассказали мне мои друзья и сослуживцы: Дмитрий Голиков и Роман Фролов, а так же мой брат Митяй Федотов, служивший не на флоте, а радистом в Заполярье, на берегу холодного Карского моря. Я очень благодарен им за их чувство юмора и за ту помощь, которую они оказали мне в подготовке материала для этой книги. Вместе мы провели не один долгий вечер, сидя на кухне и вспоминая весёлые, трагичные, курьезные и всегда очень характерные истории, произошедшие с нами во время нашей службы. Эти вот истории и легли в основу моего нового сборника.

Армию и флот называют школой жизни. Это действительно так. Служба в наших вооруженных силах – это зачастую испытание всей сущности человека в условиях, максимально приближенных к экстремальным... Это школа жизни, которая на моих глазах некоторых людей ломала физически и, самое страшное, ломала морально, но она же воспитывала и характер, открывала человеку глаза, заставляла по-новому взглянуть на людей, на привычные вещи и

произвести реальную переоценку, казалось бы, незыблемых ценностей. На корабле я видел и закоренелых пролетчиков, а по сути – честных, справедливых людей, настоящих мужчин, и передовиков-отличников, которые, на поверку, по своим моральным качествам этим пролетчикам и в подметки не годились. И эта книга о том, как я и мои друзья проходили эту школу жизни.

До службы я, наивный призывник, знал об армии и флоте только по советским военным фильмам и телевизионной программе «Служу Советскому Союзу!». Ну и по героическим рассказам ветеранов, выступавших перед школьниками по случаю очередной годовщины Победы. Я свято верил, что так оно и есть на самом деле, что в наших доблестных вооруженных силах дисциплина и порядок, что опытный наставник, старослужащий, обращаясь к молодому матросу, всегда отдаёт ему честь и уважительно говорит: «Товарищ матрос...» Мне тогда было восемнадцать лет. И я тоже, как те ребята из телепередачи, хотел увлекательно и с пользой, провести три года своей жизни, честно служа неделимому и навеки сплоченному Советскому Союзу. В то время у меня, как и у большинства моих сверстников, и в мыслях не было «косить» от армии. Почему и ожидал меня на флоте, как бы это помягче выразиться, маленький сюрприз.

В любом замкнутом и изолированном на долгое время от остального общества коллективе со временем возникают свои законы, нормы поведения, своя иерархия, свой неуставной табель о рангах, и армейская/флотская жизнь – самая подходящая среда для таких проявлений. Как и положено всякой иерархии, она построена по принципу пирамиды, вертикали власти, где нижние «чины» беспрекословно подчиняются высшим под угрозой физической и моральной расправы, так называемой «годковщины» на флоте или «дедовщины» в армии. Те, кто прошел три года службы на флоте, знают эти законы неуставной иерархии как свои пять пальцев. Там этой науке обучают быстро, и запоминается она на всю жизнь. Обучение начинается с первой же секунды, как молодой матрос вступает в свое первое, пусть даже мимолетное, непосредственное соприкосновение со старослужащими.

Важно понимать, что при отсутствии нормальной контрактной вольнонаёмной армии, когда у солдат и матросов нет реальных человеческих и гражданских прав, на этой пресловутой годковщине, в основном, и держится вся воинская дисциплина. Получить по морде от годка за недобросовестно выполненный приказ караси бояться куда больше офицерского «наряда вне очереди». Офицеры это знают, и многие этим пользуются...

В этой книге я, однако, пишу не о годковщине как таковой. Она составляет лишь одну, хоть и очень существенную, часть флотской действительности. Я пишу о жизни. Пишу о том, как мы, восемнадцатилетние пацаны, вырванные не по своей воле, а в рамках всеобщей воинской повинности, из комфортабельной, привычной домашней обстановки и втянутые, как в омут, в инородную казенную среду, вынуждены были приспособливаться там жить. Жить по совершенно новым, непонятным нормальному человеку законам и понятиям, зачастую чуждым логике и здравому смыслу. Я пишу о том, как даже в тех условиях мы находили возможность радоваться этой жизни. Пишу о людях, с кем мне довелось служить, рассказываю об отношениях, с которыми мне и моим друзьям пришлось столкнуться.

Я служил на флоте три года, с 1986 по 1989. С тех пор много воды утекло в Тихий океан. Сейчас срок службы сократили до одного года. На первый взгляд кажется – какая ерунда! Один год! Какая теперь-то тут может быть годковщина? Спать вечером «карасём» ляжешь, а утром уже дембелем проснешься. Но это только на первый взгляд...

Когда я уже дописывал последние страницы этой книги, мне неожиданно позвонил мой друг, состоятельный бизнесмен из Владивостока. Два месяца назад он отдал служить в армию своего младшего сына. «Отмазать» его от службы, если бы он захотел, ему не составило бы большого труда: связи и деньги имелись. Но он принципиально сказал сыну: «Ты пойдёшь служить. Из-за того, что всякие уроды сейчас косят от армии, и бардак такой в стране. И 59-ю

статью Конституции России, которая гласит: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина», ещё никто не отменял. А раз ты гражданин России, то будь добр – иди и служи честно.»

И вот через два месяца растерянный и потрепанный новобранец-сын вырывается на выходные домой и рассказывает ему о таких армейских реалиях, что у отца волосы на голове зашевелились. Сын в конце сказал, что, узнав кто у него отец, удивленные офицеры и годки спросили его: «Ты как сюда попал? Почему твой крутой папаша тебя не отмазал?! Неужели денег пожалел?»

Сын ответил словами отца, что-то про честность, долг и Конституцию... Офицеры и сослуживцы смеялись долго, от души: «И ты – придурок, и отец твой – мудака...» – выдали они своё однозначное заключение.

Теперь у моего друга задача одна – поскорее положить конец этому неудачному эксперименту.

Что же получается: со времени моей службы на флоте прошли годы, а там ничего по сути не изменилось. Всё стало только более концентрированным, сжатым по времени. Ясно одно, эта книга актуальна и сегодня. Пока матросы и солдаты в наших вооруженных силах остаются бесправной и бесплатной рабочей силой, бардак и годковщина там будут продолжаться.

Как правильно сказал мой друг, Рома Фролов: «Служба на флоте – она как тельняшка», а там, где есть черное, всегда, конечно, есть и белое. Надо понимать, что за три года службы на флоте было много и положительных моментов, и веселых историй. И самое главное: мне посчастливилось служить на корабле вместе со многими настоящими людьми. И эта книга тоже об этом. Хотя... если подумать о весёлых историях, то большинство из них пришлось всё-таки на последний год службы. По «карасевке» было не до веселья...

И именно по этому, добавив в новый сборник много смешных рассказов, я специально не делал из этой книги просто коллекцию флотских баек. Я хотел, чтобы моя книга дала читателю возможность задуматься о сути многих вещей, которые до сих пор происходят в наших вооруженных силах, в условиях изоляции от правового и гражданского общества. И есть слабая надежда, что это поможет изменить что-нибудь к лучшему.

Три года срочной службы на ракетном крейсере Тихоокеанского флота до сих пор остаются одновременно одними из самых трудных и самых памятных в моей жизни. Они оставили в моей жизни неизгладимый и неоднозначный след. И первый год службы занимает там своё отдельное, особое место. Но... каждое последнее воскресенье июля мы, бывшие сослуживцы-друзья, вместе с семьями идём на набережную Невы к Медному Всаднику праздновать день ВМФ.

А летом, когда мы дружной ватагой отправляемся в наш ежегодный поход на Карельский перешеек, то, выстроившись на берегу лесного озера, неизменно начинаем поход с торжественного подъема военно-морского флага. И наши дети тоже с особенным чувством гордости надевают по этому торжественному поводу полосатые тельняшки и строго следят за тем, чтобы не коснулся земли развевающийся на ветру краснозвездный военно-морской флаг...

Автор.

28 Марта, 2012 года. Санкт-Петербург.

столп. Некоторое время, члены комиссии соблюдали молчание, пробегая по мне скучающими взглядами. Один из военврачей, видимо старший в комиссии, полковник медицинской службы, взял в руки мою медицинскую карту и стал бегло пролистывать ее, шевеля толстыми губами и негромко озвучивая разбросанные по разным страницам отметки: «ПЛ» (что означало: «подводная лодка» или «годен без ограничений»). Полковник долистал мою карту до конца, поднял голову и, зевая в кулак, спросил:

– Есть вопросы к комиссии?

Это был он – мой шанс! Я сделал шаг вперед, звонко впечатав голую пятку в потертый линолеум.

Полковник напрягся.

– Товарищ полковник! Прошу направить меня служить в морскую пехоту! Я спортсмен, имею второй юношеский разряд по борьбе.

Про борьбу и второй юношеский разряд я, конечно, малость приврал (я всю жизнь вообще-то прыжками с трамплина на лыжах занимался), но «второй юношеский» был не особо-то и разряд. Члены комиссии переглянулись, явно не ожидая такого рвения.

– Боец, здесь кричать не положено. Не в атаку идёшь, – медленно протирая золотые очки, сказал старший в комиссии.

– Я хотел как лучше, товарищ...

– Не надо как лучше, надо как положено.

Члены комиссии посовещались. Полковник сделал в моей карточке какую-то отметку, встал и торжественно произнёс:

– Комиссия сочла возможным удовлетворить просьбу призывника Федотова и направить его на службу в военно-морской флот. Дату призыва вам сообщат повесткой.

– Спасибо, товарищ полковник! – радостно выкрикнул я.

Скрипнув босыми пятками по линолеуму, я лихо развернулся на месте и строевым шагом вышел в коридор. Все мое существо ликовало.

– Сле-е-дующий! – раздался дежурный голос.

– Ну как? Куда тебя? – посыпались на меня со всех сторон вопросы.

– В морскую пехоту! – гордо выпалил я.

– Вот это да!.. Повезло!.. – завидовали ребята

Одно обстоятельство, всё же, немного омрачало мое ликование. По правде говоря, я не совсем понимал, что произошло. Почему полковник сказал просто: «военно-морской флот»? Я же просился в морскую пехоту! Перепутал? Но я же ясно просил. Нет, не может быть, чтобы он перепутал. Морская пехота хоть и относится к морскому флоту, но это – не три, а два года. Это большая разница! «Разберутся. Не могут не разобраться», – успокаивал я сам себя. Я же просил...

Это сейчас, отслужив три года на флоте, я грустно улыбаюсь своей тогдашней наивности, а тогда... Тогда мне просто было восемнадцать лет.

Толпа немного присмирела, но на команду не среагировала.

– Бойцы! – зычно гаркнул Пистон. – Команда «становись» выполняется бегом!

В разномастной толпе началось броуновское движение, из неё поодиночке и кучками отделялись призывники и постепенно сбивались в нечто похожее на строй. «Капитан, доложите о наличии призывников», – распорядился военком. После переключки выяснилось, что отсутствует один призывник по фамилии Бакурадзе. Родители начали поиски.

Пистон двинулся вдоль неровного шевелящегося строя, придирчиво осматривая наш внешний вид. Выражение на его лице сложилось такое, как если бы он только что откусил кусок недозрелого лимона. Он остановился напротив белобрысого парня в солнцезащитных очках-капельках, одетого в модные голубые джинсы с красной надписью «USA», красиво вышитой на накладном кармане. Фуражка-аэродром подпрыгнула на красной пистоновой лысине.

– Товарищ призывник! – Пистон гневно вытаращил глаза на иностранную надпись. – Что у вас с формой одежды!?

Паренёк с недоумением поглядел на свои джинсы: не испачкался ли где по неосторожности:

– А что?

– «Что?!» Он говорит мне: «А что?»!.. Вы почему явились на призыв в масштабе Советских Вооруженных Сил в штанах наиболее предполагаемого противника!?

– Джинсы как джинсы... – новобранец продолжал растерянно осматривать себя то спереди, то сзади, крутя стриженной головой.

– Товарищ призывник, я вижу, что через эти штаны мировой империализм уже проник к вам в голову!

Наконец до паренька дошло, в чём дело, и он с готовностью пояснил:

– ЮСА – это просто название страны. По-английски.

– По стойке «смирно» стоять не умеет, а разговаривает! – обратился Пистон к притихшему строю. – Товарищ призывник, если вы хотите что-то умное сказать, то лучше молчите. Причина неуставных отношений в армии и начинается с ношения таких вот штанов неуставленного образца.

С выражением полного морального превосходства на лице, военком, продолжил движение вдоль строя, переходя к следующей жертве.

– А у вас, товарищ призывник, – обратился он к смуглому кудрявому парню в широких тренировочных шароварах, – что у вас из карманов топорщится?

– Естественная неровность одежды, товарищ дважды майор!

Пистон на какое-то время задумался, но ненадолго: – Ещё один клоун нашёлся. Я вам, товарищ призывник, не дважды майор, а одиножды подполковник Советской армии! Для тех, кто не разбирается в звездных отличиях, поясню: это над майором и под полковником. Ясно?

Кучерявый кивнул головой, понятливо улыбаясь.

– Разболтались в гражданских условиях. Ну, ничего. Другие офицеры нашей армии, – Пистон сделал неопределённый жест рукой в сторону «покупателей», – не такие добрые папы Карло, как я!.. Слешут вам все естественные и неестественные неровности по самое «не балуй»!

И тут перед строем вытолкнули худенького и испуганного недостающего Бакурадзе.

– Как фамилия? – грозно спросил Пистон.

– Бакурадзе...

– Почему отсутствуете, товарищ призывник?

– Я в туалет ходил.

– В туалет! Вы бы еще в театр сходили!.. Ничего, в армии вас быстро отучат оправляться в неуставные моменты времени... Встаньте в строй!

Бакурадзе, потупившись, протиснулся в самую глубь строя, подальше от начальственных глаз.

Военком прекратил осмотр, вышел на середину двора, многозначительно вскинул голову и, дождавшись полной тишины, торжественно провозгласил:

– Служба Родине, товарищи, – священный долг каждого советского юноши! Идеальные солдаты нам не нужны. Наше дело их воспитать. Из вас, мальчиков-призывников, мы сделаем мужчин-защитников Родины!..

Говорил Пистон долго и эмоционально, а закончил свою речь приподнято-призывно: «По машинам, товарищи!»

Поехали! – пронеслось у меня в голове. Я обнялся с родителями и не мешкая полез в крытый грузовик. Я тогда ещё не отдавал себе отчета в том, что увижу их только через три долгих года. Мы не знали, ни куда нас везут, в Сибирь или в Афганистан, ни в какой род войск нас действительно приписали: то ли в десантники, то ли во флот, то ли в стройбат. Наши провожатые молчали, строго храня только им понятную военную тайну. Наконец я не выдержал и спросил главного из них:

– Товарищ, капитан-лейтенант, а куда нас везут? В чем военная тайна-то?

– Военная тайна не в том, куда вас везут, товарищ призывник, а в том, что везут именно вас, – загадочно ответил офицер и замолчал.

Я понял: спрашивать бесполезно. Почему нам ничего этого не говорили, мы не знали, но как-то слепо верили в глубокий смысл всего происходящего. Это теперь я понимаю, что вся военная логика и весь глубокий смысл заключаются в одном единственном ёмком слове начинающемся на «долбо» и кончающемся на «изм», а тогда... тогда я свято верил: раз не говорят, значит так надо.

Впрочем, если честно, то тогда мы по этому поводу особо не напрягались. Мы весело перешучивались и глушили зашхеренные по разным местам горячительные напитки. Хоть на предмет спиртного нас и обыскивали в Военкомате, но куда им до нашей молодой здоровой смекалки. Мой сосед, слева, засунул резиновый шарик во флягу, заполнил его водкой, завязал и протолкнул внутрь, а сверху залил клюквенным соком. Хочешь – проверь, даже попробуй, сок как сок, а проколи шарик иголкой – вот тебе и вечный кайф! Некоторые из будущих защитников Родины уже с трудом держали свои туловища в вертикальном положении.

– Не понимаю, как можно так пить? – возмущался сопровождающий нас офицер. – Ну, выпил одну стопку, ну две, ну литр, но зачем же так напиваться?..

– Не бойсь, товарищ военный, – успокаивал его, заплетаясь языком, щербатый парень в зелёном вязаном свитере, – перед армией святое дело выпить-закусить... Даже песня такая есть... – и вязаный свитер уныло затянул:

*Мама, не ругай меня, я пьяный,
Я сегодня пил и буду пить.*

Мы дружно подхватили:

*Потому что завтра утром ранним
Повезут нас в армию служить.*

– Отставить песню! – приказал офицер и добавил: – И везут вас не в армию, а на флот. Мы переглянулись: на флот! Так мы на шаг продвинулись к разгадке «военной тайны». Осталось догадаться, где находится конечный пункт нашего следования.

– Хилое поколение растёт, – не унимался сопровождающий офицер, – пьёте, курите, безобразия безобразничаєте... Вот, посмотрите, даже девушки курят, – он указал на проходив-

шую по тротуару пару. – Парень идёт, курит, девушка идёт, курит... А потом у них такие же дети появляются...

– Мода такая.

– Что мода!.. Вот я не курю и в рот не беру...

Молодой хохот потряс грузовик, а офицер уточнил:

– ...Спиртного... Отставить нарушение субординации смехом!

Разомлев от горячительных напитков, мы понемногу начали собирать остальные части головоломки. Вторым ключом стали написанные золотыми буквами на ленточках бескозырок сопровождающих нас и молчащих всю дорогу матросов слова – «Тихоокеанский флот». А уже в аэропорту мы увидели высвеченное на электронном табло рядом с номером нашего рейса название города – Владивосток.

ПТК

*Флот это школа жизни, но лучше её пройти заочно.
(Флотская поговорка)*

С моим другом Димкой Голиковым, щеголявшим завидными для восемнадцатилетнего пацана усами и знающим, казалось, ответы на все вопросы, я познакомился за год до призыва. Нас обоих через Военкомат распределили в школу корабельных электриков. В течение года мы с ним три раза в неделю, после работы, дисциплинированно ездили на трамвае в пригород на обучение. В школе мы разбирали на части корабельное электрооборудование, проходили испытание в барокамере, одетые в водонепроницаемые костюмы и закупоренные в отсеке: учились затыкать пробойны в корпусе корабля, погружались с аквалангом и даже изучали болезни водолазов.

Особенно на меня произвела впечатление болезнь под названием «полная компрессия». Как мене объяснили, это когда, в случае разгерметизации мягкого резинового костюма, весь водолаз компактно закомпрессовывался давлением воды в круглый медный шлем. Я вот только позабыл, как от этой болезни надо лечить...

Нас призвали служить 13 Мая, как раз в Димкин день рождения. Так что, его девятнадцатилетние мы в шумной компании однопризывников справляли на высоте одиннадцати тысяч метров, летя самолетом из Ленинграда во Владивосток. Ребята со всего салона внесли свою посильную лепту в оформление праздничного стола разнообразными спиртными напитками и домашними разносолами, и долгие часы полёта пролетели незаметно.

По прибытии во Владивосток нас из аэропорта привезли на ПТК – приемно-техническую комиссию или накопитель новобранцев регионального масштаба. Всё здесь: и забор с колючей проволокой по периметру, и деревянные бараки на 200 человек – было ново и интересно. Где-то, в каком-то фильме про людей в полосатых робах я уже видел похожую картинку... Понимая наше состояние, сопровождавшие тут же пояснили, что это на самом деле территория воинской части морской пехоты, а не то, что мы подумали...

Нас распределили в барак № 2. Я в первый раз в жизни был в настоящем бараке! Раздвинув огромные двустворчатые ворота, мы с Димкой с любопытством проследовали внутрь. В нос ударил бодрящий запах грязных носков и пота. С непривычки, поморщившись, мы осмотрелись. Три уровня длинных сплошных деревянных нар тянулись по обеим сторонам барака, оставляя проход посередине. На нарах, вплотную друг к другу, как на стеллажах, копошились разномастные представители всех советских республик: русские, хохлы, узбеки, таджики, чеченцы, армяне и те, о существовании национальности которых я даже и не догадывался...

– Урюки, – пояснил кто-то сбоку.

Я не был особо силён в этнографии и с благодарностью впитал в себя эти новые интересные сведения.

Наше появление в бараке особого интереса не вызвало. Некоторые из лежавших на нарах разглядывали нас скучающими взглядами, кто-то играл в карты, кто-то храпел, а один из урюков, прямо у нас над головой, деловито и сосредоточенно занимался самоудовлетворением. Чтобы ему не мешать, мы с Димкой вышли во двор подышать свежим воздухом.

– А ты знаешь... – сказал вдруг Димка. – Мой отец тоже здесь неподалёку служил – на Чукотке. И даже на Кубе был.

– На Кубе?

– Ну да. Как раз во время, когда между нами и Штатами чуть ядерная война не началась.

– «Карибский кризис» что ли?

– Ну, да.

– Ну и как, ему Куба понравилась?

– Да он её и не видел совсем. Его и ещё пару тысяч таких же, как он, в гражданские костюмы переодели и в трюм гражданского сухогруза погрузили. Так их, до самой Кубы, в трюме и везли, чтобы америкосы ничего не заподозрили. Выпускали на палубу свежим воздухом подышать только ночью группами по двадцать человек, когда американских разведывательных самолётов не было, а то те прямо над палубой летали.

– Так что, их на берег так и не высадили?

– Какой там... Они два месяца около Кубы в трюме просидели, а потом, когда Хрущев с Кеннеди о чем-то договорились, их так же, не вынимая из трюма, обратно привезли...

Мимо барака, понуро опустив голову, шёл морской пехотинец. Это был первый увиденный мной вблизи настоящий морской пехотинец. Я с завистью смотрел на его черную форму. Он поравнялся с нами, и я, желая завязать разговор и расспросить про службу, обратился к нему с логичным, как мне казалось, вопросом:

– Слышь, а ты не знаешь, нам постельное белье дадут?

Морпех вздрогнул от неожиданности, оглянулся по сторонам и сплюнув в дорожную пыль посоветовал:

– Вешайтесь, духи!

Этот полезный совет я слышал потом много раз, особенно в первые недели службы. Позже, когда у нас на корабле, в носовом галюне, не выдержав насмешек, повесился один из двух братьев-близнецов, только что призванных к нам на корабль из подшефной Хакасии, я вспомнил этого морпеха в его потрепанной черной робе.

Кроме нас на ПТК завезли ещё около тысячи человек. Новоприбывшие быстро разделились по группам: по явно выраженному этническому признаку или по городу призыва. У нас с Димкой в этой разноликой и разномастной обстановке тоже сработал инстинкт самосохранения: мы примкнули к «питерским».

– Э-э-эээ! – раздался во дворе то ли надрывный хрип, то ли протяжный вопль.

Бледный парень, в сером измятом костюме, с перекошенным судорогой лицом, бился на пыльной земле посреди двора в эпилептическом припадке. Белая пена пузырилась у него изо рта. Все столпились вокруг, но никто не знал, что надо делать.

– Пацаны! Чурки наших бьют!.. – чей-то призывный вопль заставил всех обернуться.

Ошалелая славянская братия, которая, к счастью, в этот заезд на ПТК представляла большинство, моментально среагировала. Позабыв про эпилептика и не разбирая, что к чему, кто наши, кого и за что бьют, все побежали на крик, тыча по пути кулаками в морды попавшихся под руку незадачливых представителей братских народов и народностей. Впрочем, хотя урюков на ПТК было гораздо меньше, они держались сплоченней, чем мы, и в локальных потасовках давали славянам достойный отпор.

Под вечер, усталые и полные новых впечатлений, мы вернулись в барак. Так прошел мой первый день на службе. Оставалось еще 1097.

На третий день разнёсся слух, что нас наконец переоденут в военную форму и мы станем похожи на настоящих вояк. В ожидании скорого расставания с гражданской одеждой многие стали оригинальничать, вырезая на одежде разные фигуры и узоры. На некоторых уже висели такие фигурные лохмотья, что было непонятно, как они ещё держатся на плечах или на поясе...

– Ты чё, салага, делаешь?! – раздался вдруг чей-то гневный вопль.

Невдалеке от нас, «ПТКашный» мичман, подскочил к пареньку с красными буквами «USA» на голубых джинсах. Мичман застал его как раз в тот момент, когда тот закончил распускать на ленточки свои политически неправильные импортные штаны. Паренёк, хлопал глазами, держа в застывшей руке лезвие безопасной бритвы.

– Ты чё свои глаза на меня смотришь? Когда духа ругают, он должен встать смиренно и покраснеть!

– Я думал можно...

– Можно?!.. Тебе, дух, можно только удавиться, а форму гражданской одежды портить тебе никто добро не давал!

– Мне никто не сказал...

– Не сказал – ему!

Вокруг паренька и мичмана, собралась пестрая толпа призывников.

– До прэсяги шо хотим, тэ и дилаим ... Наша одежда... – протиснулся сквозь толпу и вступился за паренька коренастый хохол.

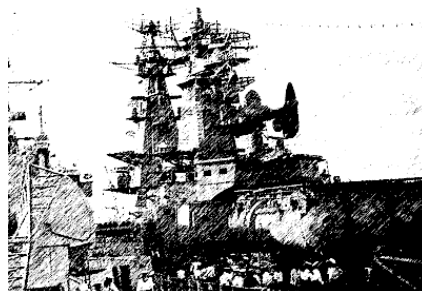
Мичман сжал кулаки, но оглядевшись вокруг и оценив численный перевес и атлетическое сложение коренастого, сплюнул сквозь зубы, повернулся и поспешил ретироваться, поглядывая, однако, на ходу, не портит ли кто ещё свою одежду.

Чем ближе наступала долгожданная минута переодевания, тем четче мы ощущали на себе алчные взгляды служивших на ПТК вояк. Особенно те из нас, кто прибыл в импортных шмотках. Загоняли ли местные служивые нашу одежонку? Кому и почему? Честно скажу – не знаю. Но их ревностное отношение к порче исключительно импортных вещей иначе было сложно объяснить. Мы складывали нашу гражданскую одежду в чемоданы, надписывали адреса для отправки домой. Но куда уходили все эти посылки и уходили ли они вообще, я тоже не знаю. Знаю только, что мой чемодан, с поношенными отечественными брюками и свитером до моего дома в Питере так и не добрался...

Корабль

*Кто видел море, корабли
Не на конфетных фантиках,
Кого гоняли так, как нас,
Тому не до романтики.*

(Флотская песенка)

На третий день нашего пребывания на ПТК нас, наконец, переодели в матросскую форму. А на шестой день судьба в лице равнодушного капитан-лейтенанта распорядилась так, что моего друга Димку Голикова отправили на полгода в учебку на остров Русский, а меня и еще шестерых питерских ребят прямо на корабль.

Я наскоро попрощался с другом и в сопровождении виновато улыбающегося капитана третьего ранга Трахова, который был делегирован с корабля за молодым пополнением, зашагал вместе со своими новыми приятелями, навстречу судьбе. Нам, всем, не терпелось узнать: куда нас всё-таки определила эта судьба. Понятно, что с морской пехотой я пролетел. Понятно, что из Питера – колыбели Балтийского флота нас пригнали через восемь часовых поясов служить во Владивосток, на Тихоокеанский флот. Но куда же, куда конкретно нас все-таки забирают? По дороге мы засыпали нашего сопровождающего кучей вопросов.

– Товарищ капитан третьего ранга, а нас куда? На корабль?

– На корабль, – смущенно улыбаясь, как если бы ему было за что перед нами извиняться, ответил наш сопровождающий.

– А на какой корабль? Какого ранга?

– Первого. Ракетный крейсер «Адмирал Фокин», – выдавил из себя ответ Трахов и добавил, как бы извиняясь. – Только он, в некотором смысле, на ремонте...

Мы не обратили на это уточнение никакого внимания.

– Первого ранга! Ух-ты! – мы радостно переглянулись между собой.

К тому времени мы уже успели узнать, что на флоте все надводные корабли делились на четыре ранга – от катеров до крейсеров. К первому рангу относились самые большие корабли! Во, повезло! До этого момента я ни разу в жизни не видел ни одного настоящего боевого корабля, кроме Авроры разумеется. Чего уж там говорить о современном ракетном крейсере, и к тому же первого ранга! Я рисовал в уме радужные картины, крейсер представлялся мне чем-то таким большим и никелированно блестящим. На палубе суровый боцман с золотой дудкой и матросы, все как один, исключительно в белых штанах – красота. Я даже подумал: черт с ним, с лишним годом, зато какая романтика!

По пути, я крутил по сторонам головой, рассматривая незнакомый мне город Владивосток. По сравнению с Питером он казался довольно небольшим. Каменные и деревянные дома были раскиданы по многочисленным сопкам, окружавшим просторную бухту. Я не сразу заметил, как мы зашли на территорию судоремонтного «Дальзавода», где, как нам объяснил наш сопровождающий, и должен был стоять наш красавец-крейсер. Мы шли вдоль причала, мимо

пришвартованных разномастных судов и суденышек. Тут были ледоколы, сухогрузы, рыболовные сейнеры, катера... Ни одно из них даже близко не напоминало тот никелированно-сверкающий образ, который я сотворил в моем воображении. От нетерпения я то и дело вытягивал шею, всматриваясь вдаль. Я старался не пропустить момент, когда передо мной предстанет наконец мой ракетный крейсер!

– Ну, вот и пришли, – виновато улыбнулся сопровождающий нас офицер.

Я нетерпеливо завертел головой. Из-за стоявшей у причала громадины, в виде гибрида строительных лесов и ржавого метала, мне было плохо видно, что там еще есть вокруг.

– Как это пришли?.. А где же крейсер?

Тут мой взгляд упал на сходни, соединявшие эту опутанную паутиной разномастных шлангов и кабелей плавучую кучу металлолома с причалом. По обеим сторонам трапа, ведущего на этот гибрид, можно было различить полинялую надпись – «Адмирал Фокин». Я почувствовал, как к горлу подступает комок и неприятно закололо под ложечкой. Но надежда умирает последней. Я упорно не хотел верить, что этот странный объект имеет хоть какое-то отношение к моему крейсеру.

– Проходите, ребята, – сказал Трахов.

Эти слова добились мою еле теплившуюся надежду, как контрольный выстрел в голову. Я, как в тумане, с трудом передвигая ногами, поплёлся вслед за своими товарищами вверх по трапу и впервые в жизни поднялся на борт ракетного крейсера «Адмирал Фокин». На этой железной посудине, длиной сто сорок два и шириной чуть больше четырнадцати метров, практически без схода на берег, мне предстояло провести следующие три года жизни. По ту сторону трапа оставались счастливое детство, юность, беззаботная гражданская жизнь, а по эту – меня ждала ржавая реальность и томительно тревожная неизвестность.

Потомки легендарных комиссаров

*Чем отличается командир от замполита? Командир говорит:
«Делай, как Я!», а Замполит говорит: «Делай, как Я говорю!»
(Фольклор)*

На корабле по обкатанной советской системе существовали две власти: строевая и партийная, вторая надзирала за первой. Строевые офицеры в большинстве своем работяги, профессионалы своего дела: они обеспечивали навигацию, связь, стрельбы, работу разнообразных частей и механизмов, на них держался корабль. Главный среди них – командир корабля.

Политические офицеры, в отличие от строевых, – люди труда умственного, то есть по определению руками ничего не делали. Все их материальной части, только язык, карта да указка. Этот маленький недостаток политработники, однако, с гаком компенсировали служебным рвением и беззаветной преданностью политике партии и родного советского правительства. Задача политруков была надзирать за уровнем политической благонадежности экипажа.

Почти на каждого строевого офицера, чтобы не расслаблялись, приходилось по одному такому политработнику. На нашем корабле главным среди этих столпов коммунизма местного масштаба был заместитель командира корабля по политической части – Большой Зам. В команде Большого Зама числились комсорг, пропагандист и «маленькие замы». Маленькие замы служили наместниками Большого в боевых частях, комсорг председательствовал на комсомольских собраниях, а вот чем занимался пропагандист, я сказать не могу, не знаю, да и он сам, по-моему, толком не разобрался. За всю свою службу я только однажды был вызван в каюту пропагандиста. Капитан-лейтенант вежливо встретил меня, усадил и задал пару вопросов:

- Хобби какое-нибудь у тебя на гражданке было, – в конце поинтересовался он.
- Старинные монеты собирал.

«Замкнут, индивидуалист, любит деньги», – записал пропагандист результат психологического анализа в свою в тетрадь...

Роль «маленьких замы» в жизни корабля была более заметна. Они прилежно собирали в своих сейфах компромат на всех «неблагонадежных элементов» во вверенных им боевых частях. Этим компроматом они с удовольствием делились и с Большим Замом, и с «особистом», который периодически навещался к нам на корабль, а также с успехом использовали для вербовки своих стукачей-информаторов. Также, «маленькие замы» часто выступали в роли массовиков-затейников. Организовывали соревнования по домино или по перетягиванию каната. А, однажды, пока наш корабль стоял в «Дальзаводе», случилось и такое, что один замполит БЧ-7 даже повел матросов в соседнюю среднюю школу учиться танцевать менуэт.

Настоящей страстью Большого Зама были еженедельные субботние политзанятия. И были они его страстью совсем не потому, что Большой Зам по субботам особенно свято верил в идеалы коммунизма. Шел конец восьмидесятых, и уже мало кто из самих замполитов верил в эту идейную ахинею. Дело в том, что один раз в неделю, с утра и до обеда каждой субботы, когда весь экипаж корабля, разодетый в парадную форму рассаживался по кубрикам для проведения политзанятий, корабль замирал, и на нём наступало «Время Большого Зама». В это время он становился единоличным и полновластным хозяином корабля. Никто – ни матросы, ни офицеры, ни одна крыса – не могли без его разрешения сделать хоть один несанкционированный шаг.

В стране шло время горбачёвской «перестройки», а мы после вахт и недосыпов, с трудом преодолевая сон, послушно сидели в тесных и душных кубриках и, прея в парадной форме, слушали, как наши корабельные замполиты под зорким присмотром Большого Зама несут свой обязательный, политически выверенный бред. Их на это учили, они за это получали зарплату, и они делать кроме этого ничего не умели.

Мы сидели и, кивая проваливающимися в мимолетный сон, головами рисовали в наших конспектах «диаграммы сна». Я до сих пор помню, как с удивлением обнаружил, что каждая из выведенных мной на листе конспекта заглавных букв слова КПСС к концу политзанятий напоминала страшного волосатого паука с множеством тонких маленьких лапок. Шариковая ручка, рисовавшая очередную из этих лапок, съехала тогда у меня с листа бумаги, и я проснулся...

Единственной в СССР кузницей профессиональных кадров флотских политработников было Киевское высшее военно-морское политическое училище (Киевское ВВМПУ). Расположение вдали от моря не мешало ему, однако, готовить... (цитирую из официальной брошюры этого славного учебного заведения):

«...полноценных полпредов партии на флотах, проводящих большую партийно-политическую работу в экипажах и подразделениях по коммунистическому воспитанию личного состава».

«Выпускники этого училища находились на самом переднем крае борьбы за проведение в жизнь политики Коммунистической партии», и делали они своё дело ... с подлинно партийной страстностью».

Это точно. Одно такое проявление партийной страстности на переднем крае борьбы, произошло на нашем корабле во время аварийной ситуации. В мачте, в одном из постов связи БЧ-7, произошло возгорание электропроводки. По аварийной тревоге аварийно-спасательная группа выстроилась, в узком задымленном проходе перед дверью, из-под которой вместе с дымом распространялся едкий запах горелой электроизоляции. Ребята стояли, как учили, в защитных костюмах и специальных шлемах с красными углекислотными огнетушителями ОУ-5, специально предназначенными для тушения горячей электропроводки.

Вдруг раздался шум. Расталкивая локтями ребят из аварийной команды на передний край борьбы с огнём, протискивался, белея парадной фуражкой, Большой Зам. Тяжело дыша и не видя перед собой ничего, кроме конечной цели, он рвался вперёд крепко сжимая пальцами пенный щелочной огнетушитель. Ребята из аварийной команды оторопели – на боку огнетушителя, с которым замполит шел наперевес, как в штыковую атаку, четко виднелась надпись: «Не применять для тушения электросети, находящейся под напряжением!». Тушить водным раствором щелочи возгорание электропроводки – это всё равно, что писать на оголенный провод. Время на раздумье не оставалось. Чтобы поджарить себя и ребят, Большому Заму оставалось несколько шагов. Один из годков аварийно-спасательной команды среагировал инстинктивно и быстро. Глухой удар огнетушителем ОУ-5 пришелся Большому Заму четко в кокарду парадной фуражки. Замполит выронил своё орудие массового уничтожения, охнул и сел на палубу. Ребята оттеснили его, окружив плотным кольцом и в несколько минут справились с пожаром.

Прикрывая фуражкой с погнутой кокардой, здоровенную шишку на лбу, Большой Зам долго потом пытался определить своего обидчика. Не получилось. А один из строевых офицеров ему тогда посоветовал: «Ты бы вместо того, чтобы наказать бойца, лучше бы медаль ему дал: он же тебе жизнь спас...»

Не могу удержаться, чтобы не привести ещё несколько цитат из брошюры Киевского ВВМПУ:

«В отличие от других военно-морских училищ, кроме марксизма-ленинизма, в Киевском ВВМПУ обучали ещё марксистско-ленинской философии, истории КПСС, научному коммунизму, политической экономии, партийно-политической работе, военной педагогике и психологии».

«Выполняя указания XXVI съезда КПСС, требования и постановления ЦК КПСС», училище готовило «для славного Военно-Морского Флота настоящих бойцов партии, достойных бессмертной славы легендарных комиссаров».

Можно только представить себе, какой урон, неокрепшей психике молодого матроса, мог нанести один такой преданный «боец», прошедший горнила Киевского Военполита, вооруженный марксистско-ленинской, научно-коммунистической идеологией, вперемешку с передовыми методами психологической обработки!

Ну, что мне ещё можно добавить к этому яркому, красочному описанию, почти дословно цитирующему выдержки из официальных брошюр этого учебного заведения. Пожалуй, только ещё одну цитату:

«Десятки питомцев училища за успехи в службе награждены орденами и медалями СССР и РФ. Многим досрочно присвоены очередные воинские звания»...

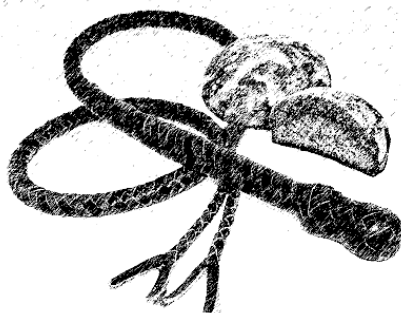
Всё это тоже чистая правда. На флоте хорошо знали, что у этой своеобразной касты трутней, у которых «за все душа болит», но которые ни за что не отвечают, всегда были самые блестящие перспективы продвижения по службе. Если корабль успешно выполнял боевую задачу, то одновременно со строевыми командирами, непосредственно участвовавшими в выполнении задачи, замполиты тоже получали равнозначные по уровню правительственные награды.

Но, в семье не без урода! Попадались и среди политработников, выпадавшие из общей массы распределителей благ и вершителей судеб, отдельные нормальные люди. Но они у нас на корабле надолго не задерживались... К счастью, Российский Флот, как море, имеет способность самоочищаться, выбрасывать из себя на берег, всё лишнее и ненужное. В 1991 году институт «замполитов» в армии и на флоте упразднили за ненадобностью вместе с Главным политическим управлением Советской армии и Военно-Морского флота. Замполитов на флоте не стало, а корабли продолжают ходить в море и успешно выполнять поставленные задачи.

Большой Зам

Если некоторых людей смешать с дерьмом, то получится однородная масса.
(Правда)

Вы не люди. Вы матросы.
(Большой Зам)

Капитан третьего ранга Пал Палыч Сорокопут появился на стоящем в заводе крейсере «Адмирал Фокин» в 1985 году. Он пришел на должность «Большого Зама» – Заместителя командира корабля по политической части, на смену прежнего замполита переведенного в штаб флота.

Командир корабля Самофал (он же Папа) в то время был на сходе, и нового политического лидера представлял старший помощник командира корабля. Старпом был офицер справедливый до мозга костей, безобидный, мягкий, с нескладной, невоенной фигурой, на моей памяти мухи не обидел, голоса не повысил. Но, флот – это не «гражданка», здесь быть мягким, нескладным и без последствий непросто, вот он и получил от экипажа кличку «Олень».

В этот знаменательный день Олень собрал экипаж на юте. Перед моряками с ракетного крейсера «Адмирал Фокин» в первый раз предстала поигрывающая жирком довольная физиономия Паши Сорокопута. Новый Большой Зам стоял, самодовольно улыбаясь, чувствуя себя полноправным хозяином положения. Он оценивающе, как рентгеном, сканировал своим цепким прищуренным взглядом выстроившийся перед ним экипаж, намечая фронт предстоящих работ.

После представления старпома, Большой Зам взял слово. Он вышел перед строем и произнес речь. Из его речи мы поняли, что Родину, нашу мать, мы теперь любить будем больше и чаще. В конце своего монолога Паша Сорокопут сделал многозначительную паузу, пристально обвёл глазами замерший в строю экипаж и отчетливо, делая ударение на каждом слове, произнёс:

– Запомните: вы не люди! Вы матросы!

В наступившей тишине было только слышно, как кричат бакланы. На выдавшем виды славном крейсере тогда впервые прозвучала эта фраза, предопределившая положение вещей, то отношение, которое установилось между Большим Замом и рядовыми членами экипажа на долгие годы его правления. Экипаж стоял, переваривая эту новость. Не привыкшая к такому обращению команда поглядывала на старпома, ища поддержки, но Олень молчал. Единственный, кто мог одернуть и поставить на место Большого Зама, был Командир Самофал, но Папа был на сходе.

Экипаж тогда ещё не понимал всей значимости этого события, а ведь именно в этот день начинался новый период в жизни корабля. Вскоре после этой знаменитой речи Большого Зама

командира Самофала перевели на другое место службы. Командиром крейсера вместо Папы стал Олень. Мягкость характера нашего нового командира не позволяла ему держать в узде властолюбивого «серого кардинала» и тот, чувствуя себя хозяином, лишь лениво имитировал субординацию. На ракетном крейсере «Адмирал Фокин» начиналась новая эпоха отношений, где мы, матросы, уже перестали быть людьми. Началась эпоха Большого Зама.

Паша Сорокопут освоился быстро. Его деятельная натура взялась за любимое дело с утроенной энергией. Перво-наперво, чтобы, как говорится, держать руку на пульсе, он установил разветвленную сеть стукачей. Заставить матросов стучать на своих же товарищей с риском, как минимум, для собственного здоровья было задачей сверхсложной, но Пал Палыч справился с ней «на отлично». Тут-то и пригодились все навыки, полученные им в Киевском «Военполите».

Для начала в ход пошел весь компромат, услужливо извлеченный маленькими замами из своих каютных сейфов. Не гнушался Паша и проверкой содержания матросской почты. Благо, корабельный почтальон, сделанный Большим Замом коммунистом, главным корабельным старшиной и по совместительству приборщиком его каюты, был свой человек.

Не забуду, как у меня затряслись поджилки, когда вечером по корабельной трансляции передали: «Матросу Федотову прибыть в каюту Заместителя командира корабля по политической части.»

– Вызывали, товарищ капитан 3-го ранга? – робко спросил я, просовывая голову в каюту замполита.

– А, Федотов, проходи, проходи. Зачем же так официально. Можно – Пал Палыч, без чинов и лишних формальностей.

– Есть, товарищ капитан 3 ранга!

Большой Зам поморщился.

– Вот тут тебе, сынок, письмо пришло из дома. Странненькое такое. – Большой Зам пощупал своими мясистыми пальцами потрепанный белый конверт, на котором рукой моей тётки Леры было аккуратно выведено: г. Владивосток, ВЧ-51288, Федотову Александру.

Я знал, что тётка Лера иногда пересылала мне письма одной моей знакомой девушки, с которой я познакомился за год до службы, будучи в гостях у тётки, в её маленькой питерской квартирке. И всё бы хорошо, если бы не одна маленькая деталь: эта девушка была студенткой из США, логова нашего вероятного противника.

Я почувствовал слабость в коленях.

– Раскрой, пожалуйста, – улыбаясь одними губами, тихо сказал Большой Зам и протянул мне конверт.

Я попытался вскрыть конверт, но руки тряслись и не слушались.

– Успокойся, успокойся, сынок, – Большой Зам ласково положил свою влажную ладонь мне на плечо. Его цепкий, холодный взгляд, не отрываясь, следил за конвертом – Давай-ка посмотрим, что там внутри...

Я раскрыл, наконец, конверт и дрожащими руками высыпал на стол, перед Большим Замом всё его скудное содержимое. Из конверта выпал сложенный вчетверо листок клетчатой тетрадной бумаги, исписанный знакомым тёткиным почерком. Внутри листка виднелся маленький прямоугольный вкладыш. Сердце моё замерло. Большой Зам рванулся вперёд и ловко вытащив вкладыш, поднес его к своим колючим глазам. Это был маленький карманный календарик на новый 1987 год.

– А-а-а... ну вот, это я и хотел посмотреть...

Большой Зам, бросил календарик обратно на стол. Ему стоило больших трудов скрывать своё разочарование.

Моё сердце снова пошло. Я выдохнул и, быстро забрав со стола содержимое конверта, на ватных ногах поплёлся обратно в кубрик. На этот раз пронесло...

Но мелкие неудачи не могли остановить Большого Зама. Случались и победы – большие и маленькие. Дело его спорилось, и вскоре он уже собрал обширную картотеку компромата на большинство членов своего экипажа. В своей работе Паша мастерски использовал два своих любимых метода: «кнут и пряник» и «разделяй и властвуй». Как кнут в ход шли все подсмотренные, подслушанные маленькие человеческие слабости, пороки, ошибки, аккуратно собранные в личное «досье».

– Или, сынок, твои друзья об этом узнают, или помоги мне с некоторой информацией... – ласково говорил Зам, усаживая у себя в каюте новую жертву и выкладывая перед ним на стол «интересные» материалы из досье.

Как пряник Паша обещал исполнение всех, даже самых заветных желаний, в зависимости от ситуации. Заботишься о карьере после службы? Посоветую в партию, чтобы потом на гражданке карьерный рост и открытая дорога в светлое будущее. Девушка грозитесь бросить? Внеочередной отпуск домой! Хочется в увольнение, в город? Пожалуйста, завтра же! Хочешь во время службы зарплату по максимуму и домой с лычками главного корабельного старшины? Без проблем! Всё обещал, всё мог всемогущий Паша Сорокопут, но не дай бог, кому дать слабину и попасться на этот его, мастерски закинутый крючок. Хватка у Большого Зама была железная. Один раз, дал слабину – всё, с крючка уже не соскочишь. Большой Зам берег свои кадры, заботился о них. Они были его глаза и уши в кубриках и на боевых постах. Конспирация тут у него была полная, как у Штирлица.

Основной сбор оперативной информации Большой Зам вел через приоткрытый иллюминатор своей каюты, стратегически расположенной в укромном месте, в узком проходе, на верхней палубе по левому борту. Вроде просто идет мимо, прогуливается матросик. Хоп! – одно незаметное движение и записка уже у Большого Зама. И уже потянулись его щупальца к горлу очередной жертвы. Цель у Большого Зама всегда оправдывала средства. Он как миловал за тайное пособничество, так и казнил за явный отказ. А в гневе он был страшен. Одним из излюбленных методов Большого Зама были одиночные, доверительные собеседования. Каждый новоприбывший матрос проходил через такое испытание беседой «один на один» с Пашей Сорокопутом.

Не избежал её и Роман Фролов. Большой Зам вызвал его на собеседование одним из первых, как только узнал из предоставленного бывшим замполитом досье, что Роман является не кем иным, а внучатым племянником самого адмирала Фокина. Того самого бывшего Командующего всем Тихоокеанским Флотом, чьим именем был назван наш славный корабль.

– Вызывали, товарищ капитан 3 ранга? – приоткрыл дверь каюты Замполита Роман.

– А, как же! Заходи, заходи, сынок! – лоснящееся от пота лицо Зама выражало одновременно ласку и полное радушие. – Садись, вот здесь поудобнее... Чайку хочешь? Наслышан, наслышан о твоём родстве. Очень рад. Продолжение славной флотской династии. Очень, очень хорошо...

Роман сидел и, улыбаясь в ответ, внимательно слушал Замполита: «Говори, говори», – думал он про себя.

Поговорив ещё немного об адмирале Фокине, о его славном, героическом прошлом и о том, как Рома похож на своего деда, Большой Зам плавно перешел от слов к делу – главной цели этой беседы.

– Ну что, сынок, в отпуск-то к родственникам на свой день рождения хочешь, небось? – он дружески похлопал Рому по плечу.

– Неплохо бы, – улыбнулся Рома.

– А главным корабельным старшиной домой явиться? То-то девушки будут заглядываться!..

– Кто ж главным корабельным не хочет-то?.. Конечно, хочу! – включил дурака Рома, думая про себя: «Мягко стелет, жестко спать будет».

– Ну, вот и отлично, сынок. Всё в наших руках, – и Большой Зам продемонстрировал Роману свои вечно влажные потные ладони.

Большой Зам придвинулся поближе. Матрос и Замполит сидели близко, друг напротив друга. Роман чувствовал на себе его тёплое, прелое дыхание. Наживка была закинута. Зам медленно и осторожно потянул на себя.

– Я вижу, что ты ответственный матрос. Тебе можно доверять. Твой дед мог бы тобой гордиться. Тут такое дело, сынок, на корабле, сам видишь, порядка нет. По кубрикам черт те что творится. Мне нужна твоя помощь, Рома, чтобы остановить этот бардак, который творится на корабле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.